

Философия истории Бенжамена Констана

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Кротов А. А. Философия истории Бенжамена Констана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 227–239. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.202>

В статье анализируется концепция видного представителя раннего французского романтизма, рассматриваются его периодизация исторического процесса, представление о смысле истории. Согласно Констану, история в политическом плане не однородна. Непонимание этой важной истины властителями всегда приносило неисчислимы страдания их подданным. В основе философии истории Констана лежит идея совершенствования человеческого рода, типичная для интеллектуальной культуры эпохи Просвещения, которой он придает новое звучание, противопоставляя дух войны духу торговли. Разграничивая два вида свободы, он связывает первую ее разновидность с традицией древних народных собраний, коллективных прямых решений, а вторую — с системой представительного правления. Его периодизация всемирной истории конкретизирует представления о прогрессе как основополагающем законе природы. В свое истолкование смысла революционных событий он включал психологические элементы. Трактую неравенство как основание общественных невзгод, он относил к важнейшим свободам человека самостоятельность в поступках и выборе жизненных приоритетов, личную безопасность, право обладания собственностью, возможность высказывать и защищать различные мнения. Ярко выраженное в ряде произведений Констана желание дистанцироваться от противоборствующих партий, выступить непредвзятым наблюдателем, мудрецом, направляющим свои усилия к общему благу, во многом отвечало идеалу философа, представленному на страницах знаменитой «Энциклопедии» Даламбера и Дидро. Вместе с тем в его учении просветительское наследие переосмыслиется сквозь призму опыта революционного времени. Отсюда требование ограничения народного суверенитета, критика в адрес руссоизма, своеобразная концепция эволюции религии.

Ключевые слова: Бенжамен Констан, французский либерализм, философия истории, Великая французская революция, французская философия XIX в.

Французская философия XIX в. испытала значительное влияние романтического движения. В свою очередь, в литературных произведениях романтиков присутствовала определенная философская позиция, которая претерпевала изменения в связи с эволюцией движения в целом. Важным измерением мировосприятия романтиков выступали их представления о смысле истории, главных факторах и направленности ее развития. Не всегда они получали развернутое выражение, но нередко находили и четкие формулировки, и опору на обстоятельные примеры. Романтики были вовлечены в политические коллизии своей эпохи, отстаивая свои идеалы теми средствами, которые казались им наиболее оправданными. Среди концепций, выдвинутых ранним французским романтизмом, существен-

ное воздействие на умы современников оказала философия истории выдающегося представителя политического либерализма, автора проникнутого тонкими психологическими наблюдениями романа «Адольф». Бенжамен Констан де Ребек (1767–1830), предки которого покинули Францию из-за религиозных гонений, родился в Лозанне, в протестантской семье. Его образование биографы зачастую характеризуют как «беспорядочное»: он учился в Брюсселе, Эрлангене, Эдинбурге. В 1788–1794 гг. Констан состоял камергером при дворе герцога Брауншвейгского. Познакомившись с Жерменой де Сталь в 1794 г., он приезжает с ней вместе в Париж, получает французское гражданство, обращается к политической деятельности. Выступает поначалу в поддержку Директории, затем сочувственно принимает брюмерианский переворот, становится членом Трибуната, из состава которого был исключен в 1802 г. из-за своей оппозиционной деятельности. В 1803–1814 гг. он проживает в Швейцарии и Германии. В период реставрации Констан возвращается во Францию, в марте 1815 г., незадолго до восстановления власти императора («Сто дней»), публикует две антинаполеоновские статьи. «Смятение партий было велико. Особенно беспокоился Констан. Он знал по опыту, что значит иметь Наполеона врагом» [1, с. 225]. Но император, вопреки ожиданиям, не стремится к мести, напротив, предлагает Констану принять участие в разработке конституционного «Дополнительного акта». Тот соглашается, рассчитывая повлиять на характер бонапартистского режима. О наивности подобной установки немало сказано его биографами. Наполеону же бывший противник был нужен в качестве нового сотрудника для демонстрации политической беспристрастности главы государства, возвышающегося над всеми партиями, привлекающего на службу всех талантливых людей, независимо от их прошлого. Впоследствии узник острова Святой Елены говорил, что Констан времен своей оппозиционной деятельности в Трибунате следовал линии Жермены де Сталь, которая вдохновляла его, и даже в своем салоне провозгласила «вторым Мирабо» [2, р. 602]. В 1819 г. Констан становится членом палаты депутатов, в которой он с большим успехом представляет либеральную оппозицию. Во время революции 1830 г. принимает сторону Луи-Филиппа, который вскоре назначает его членом Государственного совета.

В работе «О силе нынешнего правительства Франции и о необходимости объединиться вокруг него» (1796) Констан высказывался в поддержку республиканского устройства. Впрочем, республику он рассматривал не как самоцель, а скорее в качестве политического средства, способного обеспечить гражданскую свободу. Он говорил о том, что развертывание революции достигло одного из решающих своих этапов: противостояние анархии и деспотизма, с одной стороны, свободы и порядка — с другой, приобрело критическую остроту. Заявляя о себе как непредвзятом наблюдателе, не принадлежащем ни к одной из партий, не руководствующемся узкими личными мотивами, он настаивал на необходимости скорейшего завершения революции. Если она не остановится, то всякое ее продолжение будет, на его взгляд, роковым для дела свободы. С республикой же Констан связывает «все, что имеется благородного и великого в человеческих судьбах» [3, р. 30]. Призывая граждан французской республики сохранять верность своему правительству, он вместе с тем уточнял, что этот его призыв не следует понимать чрезмерно широко — как требование ликвидации в масштабах земного шара власти монархов

и аристократии. Стремление к миру, естественное для народов, должно удерживать от навязывания им чужих политических идеалов.

Трактат «О духе завоевания и узурпации в их отношениях к европейской цивилизации» (1814) Констан написал и опубликовал в Германии. Первые же строки предисловия подчеркивают политические пристрастия автора. Он отмечал, что долгое время положение дел во Франции и всей Европе, казалось, исключало саму возможность появления подобного издания, созданного в защиту свободы. «Континент был всего лишь обширной тюремной камерой, лишенной всякого сообщения с этой благородной Англией, великодушным приютом мысли, прославленным убежищем достоинства человеческого рода» [4, р. 73]. При этом Констан выражал уверенность, что если бы французы на момент выхода книги из печати располагали свободой, каждая строка его произведения получила бы с их стороны почти единодушное одобрение. Решающую, по его мысли, борьбу за освобождение Европы начали два народа (испанский и русский), с разных сторон, на разных географических широтах. «Пожар Москвы был зарей освобождения мира» [4, р. 73]. Франция, как представлялось автору трактата, не останется в стороне от общеевропейского движения, и именно ее волей, считал он, будет скреплено заключение долгожданного мира. Свою публикацию Констан расценивал как посильный вклад в дело развернувшейся борьбы за европейскую политическую свободу. Рассматривая себя в качестве одного из народных избранников, незаконно лишенных полномочий, он считал важным донести свое мнение до европейцев, многие из которых, по его мысли, заблуждаются относительно истинных взглядов французов.

Согласно Констану, история в политическом плане не однородна. То, что полезно и возможно в одну эпоху, уже не подходит к другой. Непонимание этой важной истины властителями всегда сопровождалось великим злом для людей. Пытаясь следовать отжившим рецептам, взятым из прежней истории, они приносили неисчислимые страдания своим подданным. По мнению Констана, долговременность политического режима напрямую определяется его соответствием духу эпохи. При этом каждый век стремится воплотиться в каком-либо выдающемся деятеле, объединяющем энергию людей и направляющем их совместные усилия. Если политический персонаж, привлечший общее внимание, верно понял дух эпохи, его начинаниям будет сопутствовать успех, если же он сворачивает с надежного пути, его ждет крушение, утрата власти. Один из важнейших тезисов философии истории Констана заключается том, что дух Нового времени существенно отличен от того, который царил в древности. Прежде народы добивались своей безопасности, независимости и процветания с помощью войн. Само их существование было неотделимо от войны, которую неверно отождествлять со злом. Ибо война соединяла людей особыми узами, формировала у них такие достойные качества, как любовь к родине, преданность друзьям, хладнокровие, величие души, ловкость, презрение к смерти. При этом Констан понимает войну как «естественный результат ситуации», в которой находились древние народы. Узкие долины становились предметом борьбы относительно небольших племен. Несмотря на стремление к завоеваниям, большинству из них удавалось сохранять простоту нравов и пренебрежение к роскоши, милосердие и уважение к противнику. В Новое время положение дел меняется радикально. Народы, хотя и подчинены различным формам правления, образуют более-менее «однородную массу». Давно уже не существует

могущественных варваров, которые могли бы вторгнуться извне на европейские просторы. Жители Европы стали цивилизованными, им свойственно стремление к миру. Лишь в силу привычки и заблуждения правительства могут по-прежнему поддерживать завоевательные планы. Военная слава уже не отвечает духу времени. Эпоха торговли, согласно Констану, закономерно пришла на смену эпохе завоеваний. Он рассматривал войны и торговлю как два противоположных средства, позволяющих добиться желаемого блага. Цель в обоих случаях неизменна, но к ней стремятся, либо опираясь на насилие, либо на взаимную поддержку и сотрудничество. «Цивилизованный расчет» заменяет необузданные, дикие порывы. Чужие интересы учитываются, согласуются с собственными, действия совершаются с уважением и «мягкостью». «Ясно, что чем больше доминирует торговая тенденция, тем более военная тенденция должна ослабляться» [4, р. 87–88]. Война становится невыгодна, возможные благодаря ей приобретения не компенсируют связанных с нею потерь. В этом смысле она уже неэффективна. Удобства и спокойствие достигаются с большей легкостью иными средствами. Прежде, во времена римской республики, когда неразвитыми оставались торговля, литература и искусства, внутри государства наибольшее значение имело сельское хозяйство, и военные походы с необходимостью требовались для расширения земельных участков. От них зависело выживание государства. Иное дело — войны Нового времени, которые не могут иметь народной поддержки, давно не отвечают интересам населения. Если раньше склонные к торговле народы неизменно оказывались жертвами воинственных соседей, то в Новое время они весьма успешно защищаются от всяких посягательств. Дух времени выводит «интересы обществ за пределы их территорий», ибо коммерческие связи многообразны в своих разветвлениях. Меняется и сама природа войны. Появление артиллерии, новых видов вооружения трансформирует способ ведения боевых действий. На место серии индивидуальных схваток, череды героических поединков, где на первый план выходили физические силы и моральные качества, приходит своего рода «фатальность». «Война, следовательно, потеряла свое очарование, как и свою полезность» [4, р. 89]. Отныне ни страсти, ни расчет не делают ее привлекательной. В этом, по Констану, находит свое выражение прогресс человеческого рода. Поэтому он рассматривает как «гибельный анахронизм» попытку вовлечь европейские народы в череду войн: правительство, предпринимающее подобный шаг, выступает против человеческой природы. Противопоставляя узурпацию законным правительствам, Констан полагал, что подлинный монарх, в отличие от узурпатора, — символ длительной традиции и в этом смысле — «абстрактное понятие». Власть монарха подвержена определенным ограничениям, ее не следует понимать как привилегию одного из членов общества, реализуемую в ущерб прав всех остальных, иначе она обернется тиранией. Узурпатор получает власть путем преступлений, наследственный монарх — не прилагая усилий, согласно установленному порядку. Политическое здание, выстраиваемое узурпатором, незаконно, а потому возведено на песке.

В основе философии истории Констана лежит идея совершенствования человеческого рода, типичная для интеллектуальной культуры эпохи Просвещения. Он придает этой идее новое звучание, трансформируя ее в соответствии с собственным опытом, с размышлениями о свершившейся революции и последовавшими за ней событиями. В наиболее сжатом, но и обобщенном виде ее различные аспекты

представлены в сборнике статей, изданном Констаном в 1829 г. Его дневник свидетельствует о том, что в основе своей текст, содержащий анализ упомянутой идеи, был завершён им ещё во времена Империи, в 1805 г. По мнению Констана, наилучшей из всех систем, пытавшихся объяснить «загадку индивидуального и социального бытия», является та, ядром которой служит идея совершенствования. Только эта система даёт прочную точку опоры для понимания общественных изменений, рассеивает неуверенность и уныние, возникающие, если предполагают все совершающееся случайным, мимолетным и не подчиненным общему закону. Только эта система внушает человеку надежду, отвергая перспективу всеобщего разрушения. Она же укрепляет связь между поколениями, придает ей основательность и глубину. Предшествующие мыслители, полагал Констан, не сообщили идее совершенствования человеческого рода должной доказательности. Одни опирались на умозрительные соображения, сами по себе недостаточные, другие — на исторические примеры, которым легко противопоставить сюжеты, по видимости благоприятные для совсем иных точек зрения. Свое доказательство Констан выстраивает исходя из анализа человеческой природы. Человек получает все свои восприятия посредством органом чувств; при этом надлежит разграничивать два их вида: ощущения и идеи. Ощущения преходящи, неустойчивы, независимы друг от друга. Идеям же свойственны связность и длительность существования, они образуются на основе воспоминаний об ощущениях. Так возникает внутренний мир индивида, в известном смысле противопоставленный внешнему бытию. Ключ к решению проблемы совершенствования Констан видит в сопоставлении роли ощущений и идей в человеческой жизни. Ощущения не зависят от нашей воли, мы не в состоянии их задержать, создать, предопределить их порядок. Идеи, в свою очередь, будучи образованы нами, уже не могут ускользнуть от нас, они — собственность человека, которой тот распоряжается по своему усмотрению. Поэтому, если бы жизнь людей определялась одними ощущениями, совершенствование оказалось бы им недоступно. Улучшить, возвысить, развить можно идеи, но не ощущения. Именно идеи, таким образом, являются источником совершенствования человека. Даже будучи ошибочными, они несут в себе возможность коррекции, допускают новые сочетания, неожиданные и плодотворные обобщения, непрерывное развитие. Идеи направляют поведение людей, имеют приоритет над ощущениями. Подтверждением тому служат поступки скупца, живущего впроголодь, честолюбца, жертвующего сном, влюбленного, готового на всевозможные жертвы. Несомненно, что человек ведет постоянную борьбу с ощущениями, стремится высвободиться из-под их власти, отнюдь не выступая при этом в роли сугубо пассивного существа. Его совершенствование касается прежде всего разума — способности, неотделимой от его природы. Не случайно выдающиеся философы древности подчеркивали «моральную независимость» человека, его обязанность стать господином над самим собой. По Констану, совершенствование индивида отражается и на всем роде человеческом, поскольку общая мораль формируется из привычки к самопожертвованию, определяемому совокупностью принимаемых за истину идей. Человеку открыт путь как для внешнего, так и внутреннего совершенствования. Внешнее связано с достижениями в области науки и техники, теми открытиями, которые делают его «господином материальной вселенной». Внутреннее относится к сфере морали, например,

о прогрессе человечества свидетельствует отмена рабства, воспринимавшегося когда-то людьми как нечто незыблемое.

В своей периодизации истории Констан выделял четыре «великих революции», каждая из которых улучшала общественную жизнь, устраняла определенные злоупотребления, расширяла область свободы. Первая из них упразднила теократию, вторая — рабство, третья — феодальную систему, четвертая — дворянство с его привилегиями. Прогресс в области общественных отношений — очевидный закон природы. Любая из более ранних революций заключала в себе зародыши последующей, была необходимым этапом в постепенном совершенствовании человеческого рода. Причем скорость изменений возрастала на каждом этапе общественного развития. Самым длительным, по Констану, был теократический период истории (точные границы его трудноопределимы), рабовладельческий продолжался более трех тысяч лет, феодальный — около тысячи двухсот, в то время как господство привилегированного дворянства исчисляется всего лишь двумя столетиями. Общий ход истории, по его мнению, направлен к достижению всеобщего равенства. Каждая эпоха — определенный шаг в этом направлении. «Совершенствование человеческого рода — не что иное, как тенденция к равенству» [5, p. 714]. Доказательством тому служит следующее соображение: только политическое равенство может считаться отвечающим истине, естественному порядку вещей. Неравенство, в свою очередь, рассматривается французским философом как главный источник социальной несправедливости. По его мысли, когда человек осознает, что не следует поступать с другими так, как он не желает, чтобы обращались с ним самим, он уже принимает принцип равенства за точку отсчета. Этот принцип мог ускользать от внимания людей лишь из-за их подчиненности неадекватным, ложным идеям, вследствие невежества. Заблуждения могут быть уничтожены только распространением истины; именно ее активное воздействие на умы меняет судьбу государств, вызывает различные революции. Просвещение — одно из важнейших средств совершенствования людей. Общественные институты представляют собой получившие практическое воплощение мнения, поэтому многие из них, оказавшиеся устаревшими, в свое время были полезны, даже необходимы, имели несомненную ценность. Прогресс сопряжен с преодолением препятствий, стоящих у него на пути. Ликвидацию привилегий аристократии Констан рассматривал как начало нового этапа истории, именуемого «эпохой установленных законом соглашений». Вместо силы и обмана, слишком долго определявших поведение людей, на первый план выдвигается система соглашений, которые не следует считать вечными, но, напротив, изменчивыми, зависимыми от потребностей и расширяющихся, дополняющихся представлений об истине.

Обращаясь к анализу событий революционного времени, Констан подчеркивал их закономерность. «Старый порядок был смещением коррупции, произвола и слабости. 14 июля опрокинуло это режим» [5, p. 743]. Вместе с тем за один день изменить разом привычные слишком многим, устоявшиеся схемы мышления было невозможно. Властям оставалось свойственно лицемерие, аристократам — тщеславие, среднему классу — легковерие, как и изрядное невежество. Отсюда — преимущественно разрушительный характер того, что происходило в первый период революции, несмотря на красивые декларации, звучавшие с трибун. Термидор был призывом к восстановлению социального порядка и в то же время — признанием

невозможности возврата к прежнему положению дел. При этом никуда не исчезли ни невежество, ни тщеславие, ни лицемерие. Новые политические догмы рождали поток преступлений; улучшения на поверхности общественной жизни не затронули ее глубин. Приверженцы республики фактически стремились к новому деспотизму под маской свободы, якобы известной древним. Брюмер провозгласил освободителем Бонапарта. «Этот освободитель был более чем в одном отношении очень могущественным гением и во всех отношениях умным человеком: он желал власти, много власти, всю власть, которую было возможно взять» [5, p. 744]. Придавая психологическое измерение политическим событиям, Констан рассуждал о свойственной французам склонности увлекаться какой-то одной ведущей идеей, категорически отвергая иные возможности. Так, для 1789 г. он считал характерным лозунг «все разрушить, чтобы все создать заново», для термидора — идею «наказания злодеев», для брюмера — отказ от свободы, в которой стали видеть источник анархии. В результате нация отдала себя в рабство оваянному славой военному лидеру, по отношению к которому испытывала «безумный энтузиазм». Но к окончанию эпохи Империи она ощущала усталость от войн и отвращение к завоевательной политике. Она также устала от деспотизма и жаждала свободы. Поэтому ни талант, ни смелость не помогли Наполеону удержаться у власти. Реставрация стала закономерным итогом, ибо в ситуации, последовавшей за отречением императора, права всех притязавших на власть могли быть легко оспорены и ссылка на длительность управления Францией Бурбонами стала решающей. Принципы 1789 г. (которыми неоправданно злоупотребили) некогда погубили Людовика XVI, но они же возвели на престол графа Прованского.

Концепция совершенствования, согласно Констану, применима и к науке, и к религии. По его мнению, ошибочно принимать религию за нечто неизменное, равное самому себе в любую эпоху истории. Ведь не может одна и та же форма религии одинаково отвечать состоянию умов дикой орды и цивилизованных народов. Просвещенность и невежество нельзя соединить одной религиозной формулой. Отсюда не следует, по Констану, вывод о необходимости отбросить, исключить религию из человеческой жизни. Религиозные верования основываются на особом внутреннем чувстве, присущем человеку. Логично предположить, что мудрость и справедливость провидения побуждают его приноровить необходимые людям знания к тому уровню интеллектуального восприятия, к которому они готовы в тот или иной момент истории. Религию Констан понимал как «результат потребностей души и усилий ума». По его мнению, религия подверглась бы разрушению, вступив в противоречие с человеческими способностями и знаниями. Попытки служителей культа навечно ее законсервировать способствовали падению политеизма, значительно позднее — возникновению протестантизма. Констан разграничивал интересы религии и священников. Он полагал, что в то время как религия нуждается в развитии, священство заинтересовано в сохранении своих позиций, а потому отстаивает неизменные догмы. Связь интеллектуального прогресса с религией подтверждается фактом последовательного появления фетишизма, политеизма, теизма. Таким образом, по Констану, в истории можно наблюдать постепенное «улучшение и очищение» религии.

В «Принципах политики» (1815), работе, которую многие исследователи рассматривали как наиболее зрелое и полное выражение либерализма Констана, сфор-

мулирована мысль о наличии двух типов власти: легитимной, выраженной общей волей, и незаконной, опирающейся исключительно на силу. Французский мыслитель заявлял о согласии с принципом суверенитета, понимаемым как доминирование общей воли над частной, но настаивал на необходимости верного понимания природы этого принципа. На его взгляд, если всерьез рассматривать народный суверенитет как не имеющий никаких границ, то подобный принцип грозит обществу утратой свободы. Очевидно, что «абстрактное признание суверенитета народа несколько не увеличивает сумму свободы индивидов» [5, p. 311]. Он говорил о том, что, кому бы предполагаемый неограниченным народный суверенитет ни был делегирован (одному человеку или группе лиц), злоупотребления будут неизбежны из-за чрезмерной концентрации власти. Ошибку приверженцев принципа безграничности народного суверенитета Констан видел в их чрезмерной ориентации на историю, которая демонстрирует огромную власть одного или нескольких людей. Сторонникам идеи неограниченного суверенитета казалось, что для процветания народов следует всего лишь переместить центр власти. В действительности для блага и свободы людей политическая власть должна быть разделена, а не сосредоточена в одном пункте. По мнению Констан, юрисдикция народного суверенитета не имеет силы там, «где начинается самостоятельность и индивидуальность существования» [5, p. 313]. Учение Руссо, к которому многие звали во имя свободы во времена революции, на деле привело к жестокому деспотизму. Причина этого, по Констану, в том, что провозглашение неограниченного народного суверенитета фактически целиком подчиняет индивида воле правительства. Констан упрекает концепцию общественного договора Руссо в противоречивости: ее автор, не решаясь передать в чьи бы то ни было руки огромную власть, объявил о неотчуждаемости и неделимости суверенитета, что было равнозначно признанию невозможности его реализации. «Граждане обладают индивидуальными правами, независимыми от всякой общественной или политической власти, и всякая власть, нарушающая эти права, становится незаконной. Права граждан — это индивидуальная свобода, религиозная свобода, свобода мнения, в которую включена ее публичность, пользование собственностью, гарантия против всякого произвола» [5, p. 317–318].

В знаменитой речи «О свободе древних в сравнении со свободой новых» (1819) Констан развивает, конкретизирует ряд положений своей философии истории. Разграничивая два вида свободы (и усматривая в этом свою весомую заслугу, несомненную теоретическую новизну), он связывал первую ее разновидность с традицией народных собраний, коллективных прямых решений, а вторую — с системой представительного правления. Древние народы считали себя свободными, когда имели возможность отдавать все силы общественному служению, идеалом же своих современников французский мыслитель объявляет реализацию частных интересов. На его взгляд, совершенно ошибочно искали прообраз французской республики у спартанцев или галлов. Смешение двух видов свободы принесло много несчастий в годы революции. В то время как цивилизованные граждане современных государств ценят прежде всего личную безопасность, гарантии собственности, право самостоятельного выбора жизненного пути, свободу слова и собраний, отсутствие необходимости отчитываться в своих поступках, жители древних республик свои неотъемлемые права видели прежде всего в обсуждении на главной площади вопросов войны и мира, заключения союзов с другими городами, дея-

тельности должностных лиц. При этом для народов Нового времени важно еще и право оказывать влияние на выборных представителей, доводить свое мнение до представителей власти. В свою очередь, в древности индивид был полностью подчинен коллективному решению. Реализуя себя в общественных делах, в своей частной жизни он был до такой степени скован господствующими нормами, что мог бы именоваться рабом. Различие в понимании людьми свободы Констан связывал с самой организацией государств: древние республики были значительно меньше современных по своей территории и ориентированы на войну, выступавшую модусом их бытия. Благодаря просвещению само политическое разделение европейских народов «скорее кажущееся, чем реальное», их существование не протекает в изоляции, они объединены торговыми интересами, все менее склонны полагаться на силу. Благодаря торговле развивается сильная склонность к «индивидуальной независимости»; кроме того, очевидно, что государство намного хуже самих граждан решает их личные проблемы. «Индивидуальная свобода, я повторяю это, — вот истинная современная свобода» [5, p. 612]. Существует множество путей к счастью, открытых перед человеком, и он вправе сам определять их. Политическая свобода, возвышая ум человека, становится важным средством его совершенствования.

Литературное творчество, по мнению Констан, также открывает людям возможность совершенствования, прежде всего благодаря своему моральному измерению. «Мораль литературного произведения создается общим впечатлением, остающимся в душе: если, закрывая книгу, мы становимся нежнее, благороднее, великодушнее, чем были, то произведение морально, и морально в высшей степени... созерцание красоты любого рода, выводя нас за пределы собственного “я”, заставляет ощутить наше ничтожество перед лицом совершенства и, внушая нам тем самым минутное бескорыстие, пробуждает в нас способность к самопожертвованию, мать всех добродетелей» [6, с. 250]. В своем романе «Адольф» он оригинально выразил представления об изменчивости, подвижности, многомерности человеческого сознания. «Человеческие чувства неясны и запутанны; они складываются из множества разнообразных впечатлений, ускользающих от наблюдения» [7, p. 65]. Мысль о развитии как важной особенности человеческого существа также нашла свое воплощение в художественном творчестве Констан.

В «Курсе конституционной политики» (1818–1820) представлено его понимание природы монархической власти, которая отвечала бы духу эпохи. «Курс» объединяет многие из более ранних идей Констан, включает также дополненные, но публиковавшиеся прежде тексты. Выделяя в качестве конституционных властей королевскую, исполнительную, законодательную, судебную, муниципальную, он настаивал на том, что именно наследственный монарх наилучшим образом мог бы справляться с ролью арбитра, воплощающего собой нейтральную силу в возможных общественных конфликтах. «Удивятся тому, что я различаю королевскую власть и власть исполнительную. Это различие, все еще непризнанное, очень важно. Оно, быть может, является ключом ко всей политической организации» [8, t. 1, p. 1]. Констан ссылается на деятеля Учредительного собрания С. Клермон-Тоннера как своего предшественника в данном вопросе. По Констану, исполнительная власть принадлежит министрам, назначаемым королем. Их задача — общий контроль за исполнением законов, принятых собранием представителей. При этом законы вступают в силу, только если они санкционированы королем, который вы-

полняет роль посредника между ветвями власти, их координирующего центра. Именно монарху надлежит всеми силами поддерживать равновесие между различными видами власти, нарушение которого не могло бы принести ему никакой выгоды. К прерогативам королевской власти также, согласно Констану, относится право объявления войны и мира, назначения судей, помилования осужденных. Король имеет право роспуска законодательного собрания, дабы общество имело в его лице средство противостоять возможным злоупотреблениям депутатов. «Личность короля неприкосновенна и священна» [8, t. 1, p. 28]. Обращаясь к своей давней идее необходимости ограничения народного суверенитета, он заявлял, что именно ссылки на якобы полученные от нации полномочия использовались Бонапартом в его деспотической политике. Коренным недостатком большинства прежних систем правления Констан считал отсутствие нейтральной ветви власти, чрезмерную концентрацию могущества на одном из политических полюсов общественной жизни.

Исследователями творчества французского мыслителя, выдвигавшими на первый план его концепцию политического либерализма, представлены довольно глубокие интерпретации разнообразных ее аспектов. Так, Гюстав Рюдлер полагал, что, несмотря на менявшиеся в годы революции политические симпатии Констан, его идеал оставался неизменным — «любовь к свободе, либерализм. Бенжамен варьирует тактику, даже колеблется в своих чувствах: он с твердостью держится своих принципов» [9, p. 488]. Жорж Лорис отмечал: Констан «индивидуалист в том смысле, что величие государства должно быть, согласно его мнению, делом граждан, способности которых будут развиваться свободно, но не результатом чьей-то мысли, навязанной без обсуждения невежественному народу» [10, p. 292]. А. Д. Градовский, характеризуя значение политических произведений Констан, заявлял: «...для науки эти сочинения имеют то важное достоинство, что в них можно изучать принципы известной школы во всем их единстве, полноте и чистоте, — с полным убеждением, что труды последователей немного прибавили ко всему этому» [1, с. 134]. Согласно Жану Лефранку, в концепции Констан свобода в пределах конституционных систем выступает «одновременно принципом и целью прогресса человечества» [11, p. 603]. Жан-Франсуа Маттеи отмечает: Констан вполне в духе Канта предусматривал возможность с помощью воспитания возвысить «лучшую часть человеческой природы» в направлении совершенствования моральных добродетелей [12, p. 1686–1687]. Как констатирует М. М. Федорова, Констан «был одним из самых глубоких мыслителей, обратившихся к проблеме изменения содержания общественных связей, отношения между политической инстанцией и гражданским обществом, внутренней динамики политической власти» [13, с. 120]. Е. И. Федосова справедливо подчеркивает: «...он никогда не отождествлял режим Реставрации со своим политическим идеалом, рассматривая этот политический режим как начало трудного пути по внедрению во французскую жизнь идей либерализма и развития институтов парламентаризма» [14, с. 90].

Философские взгляды Бенжамена Констан, несомненно, несут на себе следы сильнейшего влияния классиков просветительской мысли. Это влияние выражается и в отстаивании им концепции прогресса, и в стремлении заменить истолкование истории как случайного сочетания событий описанием ее закономерностей, и в установке подчинить политику морали, и в подчеркивании роли мнения,

важности «духа эпохи», и в призыве к борьбе с невежеством. Яркое выраженное в ряде произведений Констан желание дистанцироваться от различных противоборствующих партий, выступить непредвзятым наблюдателем, хладнокровным мудрецом, направляющим свои усилия к общему благу, во многом отвечало идеалу философа, представленному на страницах знаменитой «Энциклопедии» Даламбера и Дидро. Вместе с тем в его учении просветительское наследие определенным образом переосмысливается сквозь призму опыта революционного времени. Отсюда новая периодизация исторического процесса, включающая как свою необходимую часть оценку событий революционной эпохи, своеобразная концепция эволюции религии, требование ограничения народного суверенитета, критика в адрес руссоизма. Идея совершенствования человеческого рода у Констан приобретает особые черты, отсутствовавшие, например, в учениях Руссо и Кондорсе. Внесение психологизма в объяснение истории навеяно, по-видимому, размышлениями Констан о смысле современных ему событий. Его способность видеть положительные стороны различных политических режимов и даже выступать в их поддержку, как можно предположить, проистекала из убеждения в возможности их использовать в деле все более полного воплощения идеи равенства. Ведь для Констан каждый этап истории выглядел необходимым, строго вытекающим из логики предшествующего развития. В то же время ему нередко случалось выступать от имени оппозиции, когда он был уверен в том, что за ее идеями ближайшее будущее. Конечно, его философии истории присуща определенная схематичность. Но вместе с тем и сегодня вполне актуальными выглядят его призывы к отказу в области политики от старых, использовавшихся на иных этапах истории подходов; к защите политического равенства; к отстаиванию индивидуальных свобод.

Литература

1. Градовский, А. Д. (1899), Политические теории XIX столетия. II. Парламентаризм во Франции. Б. Констан, в Градовский, А. Д. *Собр. Соч.*, т. 3., СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, с. 133–268.
2. Las Case, E. de (2018), *Le mémorial de Sainte-Hélène. Le manuscrit retrouvé*, Paris: Perrin.
3. Constant, B. (1988), *De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier. Des réactions politiques. Des effets de la terreur*, Paris: Flammarion.
4. Constant, B. (1986), *De l'esprit de conquête et de l'usurpation*, Paris: Flammarion.
5. Constant, B. (1982), *Ecrits politiques*, Paris: Gallimard.
6. Констан, Б. (2010), О госпоже де Сталь и ее произведениях, в *Эстетика раннего французского романтизма*, М.: Искусство, с. 248–257.
7. Constant, B. (2013), *Adolphe*, Paris: Flammarion.
8. Constant, B. (1836), *Cours de politique constitutionnelle*, t. 1–2, Paris: Didier.
9. Rudler, G. (1909), *La jeunesse de Benjamin Constant. 1767–1794*, Paris: Armand Colin.
10. Lauris, G. (1904), *Benjamin Constant et les idées libérales*, Paris: Plon.
11. Lefranc, J. (1984), Constant, *Dictionnaire des philosophes*, vol. 1, Paris: PUF, pp. 601–605.
12. Terestchenko, M., Mattéi, J.-F. et Winkler, M. (1992), *Constant de Rebecque, Encyclopédie philosophique universelle, sous la dir. d'André Jacob, vol. III. Les oeuvres philosophiques*, t. 1, Paris: PUF, pp. 1685–1688.
13. Федорова, М. М. (2004), Бенжамен Констан, в *Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.)*, М.: ИФРАН, с. 120–132.
14. Федосова, Е. И. (2001), Либеральная мысль в период Реставрации, в Смирнов, В. П. (ред.), *Французский либерализм в прошлом и настоящем*, М.: Изд-во МГУ, с. 80–99.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2019 г.;
рекомендована в печать 19 марта 2020 г.

Benjamin Constant's history of philosophy

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Krotov A. A. Benjamin Constant's history of philosophy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 2, pp. 227–239.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.202> (In Russian)

The article analyses the concept of a prominent representative of early French Romanticism, considers his division of the historical process into periods and his idea on the meaning of history. According to Constant, history is not uniform in a political sense. The lack of understanding this important truth by the rulers has always brought untold sufferings to their subjects. Constant's philosophy of history is based on the idea of improving the human race, typical for the intellectual culture of the Age of Enlightenment, to which he gave a new sound, contraposing the spirit of war with the spirit of trade. Distinguishing between two types of freedom, he associated the first variety with the tradition of ancient people's assemblies, collective direct decisions, and the second with the system of representative government. His periodization of world history concretizes the idea of progress as a fundamental law of nature. He included psychological elements into his interpretation of the meaning of revolutionary events. Treating inequality as the basis of social adversity, he attributed independence in deeds, choice of life's priorities, personal security, the right to own property, and the ability to express and defend different opinions as the most important human freedoms. Expressed clearly in a number of Constant's works is the desire to distance himself from the various opposing parties, to appear as an unbiased observer, and a sage guiding his efforts to the common good. This corresponded greatly to the ideal of a philosopher represented on the pages of d'Alembert and Diderot's famous "Encyclopédie." At the same time, his doctrine represents a certain rethinking of the Enlightenment legacy, carried out through the lens of the experience of revolutionary times. Hence the demand to limit popular sovereignty, criticism of Russoism, a unique concept of the evolution of religion.

Keywords: Benjamin Constant, French liberalism, history of philosophy, French Revolution, French philosophy of 19th century.

References

1. Gradovskij, A. D. (1899), Political theories of 19th century. II. Parliamentarism in France. B. Constant, in Gradovskij, A. D., *Sobranie sochinenii*, vol. 3, St. Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha Publ., pp. 133–268. (In Russian)
2. Las Case, E. de. (2018), *Le mémorial de Sainte-Hélène. Le manuscrit retrouvé*, Paris: Perrin.
3. Constant, B. (1988), *De la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y rallier. Des réactions politiques. Des effets de la terreur*, Paris: Flammarion.
4. Constant, B. (1986), *De l'esprit de conquête et de l'usurpation*, Paris: Flammarion.
5. Constant, B. (2010), *Ecrits politiques*, Paris: Gallimard.
6. Constan, B. (1982), About Madame de Staël and her works, in *Eстетика раннего француского романтизма*, Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 248–257. (In Russian)
7. Constant, B. (2013), *Adolphe*, Paris: Flammarion.
8. Constant, B. (1836), *Cours de politique constitutionnelle*, t. 1–2, Paris: Didier.
9. Rudler, G. (1909), *La jeunesse de Benjamin Constant. 1767–1794*, Paris: Armand Colin.

10. Lauris, G. (1904), *Benjamin Constant et les idées liberals*, Paris: Plon.
11. Lefranc, J. (1984), Constant, *Dictionnaire des philosophes*, vol. 1, Paris: PUF, pp. 601–605.
12. Terestchenko, M., Mattéi, J.-F. et Winkler, M. (1992), *Constant de Rebecque*, *Encyclopédie philosophique universelle, sous la dir. d'André Jacob, vol. III: Les oeuvres philosophiques*, t. 1, Paris: PUF, pp. 1685–1688.
13. Fedorova, M. M. (2004), Benjamin Constant, in *Ocherki istorii zapadnoevropeiskogo liberalizma (XVII–XIX vv.)*, Moscow: IFRAN Publ., pp. 120–132. (In Russian)
14. Fedosova, E. I. (2001), Liberal thought during the Restoration period, in Smirnov, V. P. (ed.), *Frantsuzskii liberalizm v proshlom i nastoiashchem*, Moscow: MGU Publ., pp. 80–99. (In Russian)

Received: September 21, 2019

Accepted: March 19, 2020

Author's information:

Artem A. Krotov — Dr. Sci. in Philosophy; krotov@philos.msu.ru